

Научная статья
УДК 94 (470.62)
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-84-100
EDN: CSXDSE

ЭВОЛЮЦИЯ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В 1920–1924 гг. НА ПРИМЕРЕ КУБАНО–ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ

Мария Сергеевна Диривянкина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
dirivyankina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3014-8199>

Аннотация. Смена власти в октябре 1917 г. в России привела к росту противостояния в обществе, выразившимся как в открытом военном столкновении – Гражданской войне, так и в росте политического радикализма. Любая власть в отношении своих оппонентов – в данном случае контрреволюционеров, заговорщиков, мятежников – оставляет за собой право применять легальное насилие, что отражает одну из основных функций государства. Проблема красного террора, как и белого, в свою очередь находится на стыке понятий закона и беззакония, поскольку они осуществлялись государством в виде самосудов и расправ, под которые попадали, в том числе и невинные граждане. Обеспечением легализации правовой политики большевиков стал V Всероссийский съезд Советов. Установленный в октябре 1917 г. властный режим перешел в статус легитимного, а сформированные государственные органы получили право на законных основаниях реализовывать все доступные для государства функции, в том числе получили в свое распоряжение монопольное право на насилие. Наиболее ярко проблемы переходного периода от военного коммунизма к нэпу, сопровождавшиеся внеправовыми методами, проявились на казачьем юге Советской России, который отличался сословным, национальным составом и особыми условиями землепользования.

Ключевые слова: красный террор, большевики, внеправовые методы, военный коммунизм, нэп, Кубань, Черноморье.

Для цитирования: Диривянкина М.С. Эволюция репрессивной политики большевиков в 1920–1924 гг. на примере Кубано–Черноморской области // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 84-100. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-84-100. EDN: CSXDSE.

© Диривянкина М.С., 2024

Original article

THE EVOLUTION OF REPRESSIVE POLICY OF THE BOLSHEVIKS IN 1920–1924 ON THE EXAMPLE OF KUBAN-BLACK SEA REGION

Maria S. Dirivyankina

Kuban State University, Krasnodar, Russia, dirivyankina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3014-8199>

Abstract. The change of power in October 1917 in Russia led to an increase in confrontation in society, expressed both in an open military conflict - the Civil War, and in the growth of political radicalism. Any government in relation to its opponents - in this case, counter-revolutionaries, conspirators, rebels - reserves the right to use legal violence, which reflects one of the main functions of the state. The problem of red terror, like white terror, in turn, is at the intersection of the concepts of law and lawlessness, since they were carried out by the state in the form of lynchings and reprisals, which included innocent citizens. The V All-Russian Congress of Soviets ensured the legalization of the legal policy of the Bolsheviks. The regime of power established in October 1917 passed into the status of legitimate, and the formed state bodies received the right to legally implement all functions available to the state, including receiving a monopoly on violence. The problems of the transition period from war communism to NEP, accompanied by extra-legal methods, manifested themselves most clearly in the Cossack south of Soviet Russia, which differed in class, national composition and special land use conditions.

Keywords: red terror, Bolsheviks, illegal methods, war communism, NEP, Kuban, Black Sea region.

For citation: Dirivyankina M.S. The evolution of repressive policies of the Bolsheviks in 1920–1924 on the example of Kuban-Black Sea region. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 84-100. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-84-100. EDN: CSXDSE.

© Dirivyankina M. S., 2024

Введение

V Всероссийский съезд Советов (4–10 июля 1918, Москва) от имени народа санкционировал формирование советской политической системы, единой государственно-правовой идеологии и борьбы с оппозицией, что нашло отражение в Конституции РСФСР 1918 г. [Гатауллин, Зайнутдинов 2018: 12–13].

Одним из проявлений борьбы с оппозицией стало осуществление красного террора. К определению понятия «красного террора» исследовали подходят неоднозначно, подразумевая под ним как казни участников антисоветских заговоров и мятежей, расстрелы крестьян при подавлении восстаний, заложников и военнопленных, так и пострадавших в политическом и экономическом плане противников большевиков. Кроме физически уничтоженных жертвами красного террора считались арестованные, принужденные к трудам, лишённые продпайки, а также потерпевшие от «всякого рода оскорблений», притеснений и попраания неприкосновенности личности [Жиромская 2004: 240–242]. По нашему мнению, подавление восстаний не относится к террору, поскольку связано в большей степени с реализацией репрессивной политики государства по отношению к своим противникам.

Цель статьи – изучить эволюцию репрессивной политики большевиков в условиях перехода от Гражданской войны к мирному восстановлению экономики на территории Кубано-Черноморской области.

Хронологические рамки определяются периодом 1920–1924 гг., нижняя граница которого связана с повторным установлением на территории Кубано-Черноморья Советской власти и, соответственно, началом реализации политики военного коммунизма, в рамках которой осуществлялся красный террор. Выбор верхней границы обусловлен изменением внутривнутриполитического курса РКП(б) – началом реализации политики «лицом к деревне», для которой характерен от-

каз от применения явно выраженных репрессивных мер. Однако, для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть эволюцию репрессивной политики большевиков в общероссийском масштабе. В этой связи нами были выделены два основных этапа: 1917–1920 гг. – Гражданская война в России и непосредственная реализация красного террора, де-юре продолжавшегося с 5 сентября по 6 ноября 1918 г. – для которого свойственно применение мер и методов насильственного характера в соответствии с политикой военного коммунизма; 1921–1924 гг. – переходный этап от военного коммунизма к нэпу, для которого характерно сохранение элементов и методов внеправового воздействия, что отражало репрессивную политику государства.

При написании статьи были использованы системный подход, сравнительно-исторический метод и диахронный сравнительный анализ.

Современная отечественная историография вопроса реализации красного террора и репрессивных мер государства по отношению к своим противникам в указанный период представлена работами А.Л. Литвина [Литвин 2004], И.С. Ратьковского [Ратьковский 2006], Л.А. Боевой [Боева 2009], О.Б. Мозохина [Мозохин 2018] и др. Дискуссионность темы обусловлена нечеткостью границ красного террора, расхождениями в подсчетах количества и определением степени вины пострадавших, а также обоснованием законности применявшихся методов. На региональном уровне вопросами применения репрессивных мер в рамках перехода от военного коммунизма к нэпу занимались А.В. Баранов [Баранов 2005], В.В. Касьянов, Ю.А. Яхутль [Яхутль, Касьянов 2020; Яхутль 2023], А.А. Черкасов [Черкасов 2004]. Обращение к современной историографии вопроса обусловлено ее деидеологизированностью и объективностью.

Красный террор в 1917–1920 гг.

Вопрос легитимации насилия еще в дооктябрьский период поднимался лидером большевиков В.И. Лениным в работе «Государство и революция», в которой развивались идеи о свободе и демократии для большинства вкупе с лишением прав угнетателей [Ленин 1969а: 89]. На данном этапе Ленин не видел необходимости в создании специальных репрессивных органов, поскольку считал, что народ может самостоятельно расправиться с бывшими эксплуататорами. Соппротивление бывших привилегированных слоев общества виделось незначительным и краткосрочным, что не отрицало в свою очередь идею о применении насилия по отношению к политическим противникам, вплоть до смертной казни. Сама законность в государстве диктатуры пролетариата рассматривалась Лениным с точки зрения не ограниченной никакими законами и правилами, базирующейся на насилии власти [Ленин 1981: 383].

На начальном этапе существования Советской власти даже в условиях вспыхивавших антибольшевистских выступлений к заговорщикам применялись достаточно мягкие меры. Среди основных видов наказаний выступали такие, как конфискация, лишение продовольственных карточек, насильственное выселение, публикация списков врагов народа, общественное порицание и т. д. К концу 1917 г. произошла переоценка взглядов относительно слабости сопро-

тивления новой власти, что сочеталось с обострением внутривластной ситуации в связи с разрастанием преступного элемента [Ратьковский 2006: 7–13].

Насилие над контрреволюционерами в лице бывших чиновников, полицейских, буржуазии, дворянства, офицерами стихийно началось сразу после утверждения власти большевиков, продолжая набирать обороты с образованием Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) в декабре 1917 г. Таким образом, в первую очередь необходимо было перенести практику народного террора на специально созданный властный орган. Расстрелы офицеров в Севастополе и на Балтике, а также расправы с юнкерами начались еще в конце 1917 г. Эти акции получили логическое продолжение в ликвидации явившихся для регистрации бывших офицеров в Москве [Симбирцев 2008: 16–17, 25]. Указанные факты свидетельствуют о том, что постановление «О красном терроре» способствовало расширению репрессивных действий ВЧК, но не стало их отправной точкой.

В связи с наступлением германских войск Совет народных комиссаров (СНК) принял декрет «Социалистическое отечество в опасности!» от 21 февраля 1918 г., согласно которому официально вводился расстрел для сопротивляющихся мобилизации, а также «неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов и германских шпионов» [Декреты... 1957: 490–491]. Данное постановление значительно расширяло полномочия ВЧК и других следственных комиссий. В.И. Ленин, в ответ на критику в адрес принятого декрета, отвечал: «Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует революции, он отменяется или исправляется» [Ленин 1969b: 504]. Таким образом, фактически провозглашалось первенство революционного права над юридическими нормами, что находило свое отражение и в дальнейшем в отношении призывов не сдерживать народные массы в желании отомстить контрреволюционерам, тем самым поощряя практику самосудов и расправ в обход законов.

Помимо ВЧК с января 1918 г. создавали революционные трибуналы. В декрете СНК «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г. указывалось, что в отличие от народных судов, трибуналы выступали в качестве органов расправы, где вопрос обвинения решался в пользу революционной целесообразности [Собрание узаконений... 1942: 494–495]. Рубежным в усилении репрессивности трибуналов стал июнь 1918 г., когда, согласно постановлению Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР от 3 июня 1918 г., революционные трибуналы признавались не связанными никакими ограничениями в борьбе с контрреволюцией. Приговоры выносились трибуналом, основываясь на руководстве исключительно «интересами пролетарской революции», являлись окончательными и обжалованию не подлежали, одновременно они наделялись правом применения высшей меры наказания – расстрела [Материалы... 1918: 7].

Отправной точкой в развертывании массового красного террора принято считать постановление «О красном терроре» СНК от 5 сентября 1918 г., в соответствии с которым провозглашалась необходимость борьбы с классовыми врагами Советского государства путем заключения их в концентрационные лагеря, а также применения высшей меры наказания в виде расстрела в отношении

всех причастных к белогвардейцам, заговорам и мятежам. Данное постановление закрепило центральной властью законность тех карательных мер, которые применялись ранее, и передало их в руки чекистов. ВЧК стал главным органом большевиков в реализации политики красного террора. Террористическая деятельность трактовалась как необходимая мера для обеспечения тыла [Собрание узаконений ... 1942: 883].

Согласно сведениям ВЧК, за 1918 г. высшая мера наказания была применена в отношении 6 300 чел.; в 1919 г. – 2 134 чел.; в 1921 г. – 9 701 чел., в 1922 г. – 1 964 чел. За 1920 г. статические данные не указаны [Мозохин 2018: 43]. Неполнота данных не позволяет в полной мере оценить масштабы реализованного террора, поскольку она не учитывала количество расстрелянных во время подавления восстаний, а также в ней не обозначались критерии, по которым можно было бы судить о количестве приговоров, действительно приведенных в исполнение. Необходимо также учитывать имевшие место злоупотребления отдельных чекистов, применявших расстрел по отношению к тем лицам, чья вина не была доказана или выходила за пределы существовавшего законодательства [Соколов 2019: 214–215].

Усиление репрессий со стороны трибуналов обуславливалось резким ростом антисоветских выступлений, в основном крестьянских. Продовольственная диктатура в форме продразверстки и методы ее реализации вынуждали крестьянство вставать на путь вооруженной борьбы с властью. Первые крестьянские восстания начались в июле 1918 г. в Тамбовской, Воронежской, Тульской, Нижегородской и других губерниях. Ответной мерой властей стало ужесточение репрессивных мер и создание ревтрибуналов. Крестьянство, согласно таблице подсудности НКЮ 1919 г., обвинялось в саботаже – активном противодействии властям или призывах к этому путем неисполнения декретов и иных постановлений. Закрепление за саботажем первого места обусловлено тем, что именно неподчинение распоряжениям государственных органов было наиболее распространенной формой проявления крестьянского протеста [Никулин 2020: 198–199]. Наибольшего масштаба красный террор приобрел в традиционно крестьянских губерниях – Тамбовской и Пензенской. В Тамбовской губернии против крестьян использовали денежные поборы, наказания плетьюми и прямой военный нажим [Ратьковский 2006: 188–189]. Применение высшей меры наказания по отношению к крестьянству коснулось в разной степени большинства губерний России.

Стоит отметить, что реализация любого террора не предполагает возможность проведения амнистии, в связи с чем де-юре завершение красного террора стоит отнести к 6 ноября 1918 г., когда было издано постановление VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов об амнистии. Согласно нему, поскольку рабоче-крестьянская власть «упрочнена и закреплена», необходимо реализовать меры по амнистии заложников и задержанных, пересмотреть списки осужденных, которые не представляют опасности для государства. Проведение амнистии вместе с тем не отменяло продолжение борьбы с контрреволюцией в тылу и на фронте [Декреты... 1964: 529–530]. Таким образом, складывалась двойственная ситуация, при которой, с одной стороны, государство настаивало

на смягчении насильственных методов воздействия, с другой – декларировало их сохранение.

Для ликвидации крупных антибольшевистских выступлений использовались части Красной Армии, внутренние войска (ВОХР), части особого назначения (ЧОН) и продовольственные отряды. Внутренние войска были созданы постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны 28 мая 1919 г., общая их численность устанавливалась в количестве 120 тыс. чел. Продотряды и продармии действовали в сельских районах страны. Их численность варьировалась от 23 тыс. чел. в октябре 1918 г. до 62 тыс. чел. к декабрю 1920 г. [Литвин 2004: 68].

В 1919 г. на основе предложения ЦК РКП(б) от 17 февраля ВЦИК принял постановление «О Всероссийской чрезвычайной комиссии». В нем говорилось о передаче права вынесения судебных приговоров в революционные трибуналы, которые должны были пройти реорганизацию. Ревтрибуналы могли осуществлять ревизию следственных действий ЧК и проверку законности произведенных арестов. За ЧК сохранилось право внесудебной расправы при наличии вооруженных контрреволюционных и бандитских выступлений прежде всего в местностях, объявленных на военном положении, и только за преступления, указанные в постановлении о введении военного положения [Сборник... 1993: 56].

Особого внимания требует реализация политических практик рассказывания. Оргбюро ЦК РКП(б) под руководством Я.М. Свердлова 24 января 1919 г. направило циркулярное письмо партийным организациям Дона и Приуралья, в котором было обозначено: проведение массового террора против богатых казаков, а также всех казаков вообще, принимавших прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью; полное разоружение, расстреливая каждого, у которого будет обнаружено оружие после срока сдачи; вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка и т.д. [Известия... 1989: 177–178]. Реввоенсовет фронта 7 февраля издал инструкцию, согласно которой надлежало расстреливать тех казаков, которые занимали различные служебные должности и посты, офицеров, служивших в армии Краснова, и также всех богатых. Руководитель Донского бюро РКП(б) С. Сырцов направил во все ревкомы области распоряжение, по которому предписывалось арестовывать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся авторитетом, хотя и не связанных с контрреволюционной деятельностью, и взять в заложники; при обнаружении оружия после даты объявления сдачи расстреливать не только владельца, но и несколько заложников. Составить по станицам списки всех сбежавших казаков и без всякого исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания [Трут 2017: 668–669].

Следует отметить, что в указанных документах акцент делается на классовую борьбу в отношении казачества, то есть проведение красного террора по отношению к таким же бывшим эксплуататорам в лице зажиточного казачества, как и кулачеству среди крестьян, бывших землевладельцев, буржуазии и т.д. Аналогичные меры предписывалось применять и на территории Кубано-Черноморской области. За пределы края предлагалось выселять зажиточную часть казачества, которые были «безнадежны в смысле исправления»

[ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 100 об.]. Но при этом массового уничтожения казачества на протяжении всего периода 1920-х гг. не происходило, что подтверждается статистическими данными на уровне сельских советов 1926 г. и Всесоюзной переписи 1930 г. Таким образом, имеет место корреляция между понятиями «исторического процесса расказачивания» и «политической практики расказачивания», где под последним понимается применение конкретных антиказачьих мер, проводимых с пореформенного периода царской России и реализуемых в рассматриваемый нами период как Советской властью, так и ее противниками [Скорик 2019: 102, 109].

Повторно установив Советскую власть в Кубано-Черноморской области, советские и партийные органы приступили к воплощению апробированных ранее на территории Советской России методов политики военного коммунизма. На I Кубано-Черноморской областной конференции РКП(б), проходившей 31 октября – 1 ноября 1920 г., было отмечено, что регион стоит рассматривать исключительно как экономическую базу и в связи с чем на выполнение экономических заданий стоит сосредоточить все силы [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 22]. Важнейшей точкой сопротивления казачье-крестьянского населения, проводимой большевиками политики, стал продовольственный вопрос, в воплощении которого нашли отражение внеправовые и насильственные меры со стороны РКП(б). На той же конференции обозначались основные методы по принудительному сбору продовольственной разверстки: блокады станиц, остановка мельниц, сессии трибуналов, которые должны были гласно судить «виновных», а также «расстреливать тех, кто не хочет выполнять разверстку» [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 139].

Действия местных органов власти провоцировали усиление конфликта между властью и обществом, способствуя разрастанию повстанческого движения. По отношению к повстанцам применялись следующие внеправовые меры воздействия: членов их семей ставили на особый учет, из их числа брали в заложники, имущество конфисковывали, а в случае убийства красноармейцев, служащих местных или партийных структур, расстреливали за каждого определенное количество заложников. Взятие в заложники рассматривалось как мера превентивной борьбы с контрреволюционными элементами. Это должно было способствовать предупреждению новых восстаний и использоваться как средство психологического воздействия. Если устанавливали факт «контрреволюционности всей станицы, то ее в исключительных случаях надлежало сжечь» [ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 100 об.]. Практика применения института заложничества сложилась в 1918 г., о чем свидетельствовали многочисленные упоминания в советской прессе о взятии заложников и отдельные случаи их расстрелов на Урале и в Поволжье [Ратьковский 2006: 137]. В области оно было регламентировано постановлением Кубано-Черноморского ревкома от 3 сентября 1920 г. за подписью Председателя ревкома Я. Полуяна. Была утверждена Инструкция, согласно которой предлагалось немедленно произвести аресты среди отдельных категорий населения. В частности, подлежали аресту все взрослые мужчины, родственники которых ушли во время Гражданской войны «...и добровольно не вернулись, ушедших ранее к белым, бело-зеленым, скры-

вающихся от мобилизации» [ГАКК. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 65. Л. 3]. Утверждалась также коллективная ответственность за утаивание информации о дислокации бело-зеленых отрядов в виде расстрела всего взрослого населения населенного пункта, за содействие грозил расстрел [ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 80. Л. 5, 6]. Но 24 декабря 1920 г. ВЧК запретила всем губЧК применять высшую меру наказания без санкции ВЧК, за исключением приговоров по делам об открытых вооруженных выступлениях. Основанием для такого решения было постановление ВЦИК и СНК в январе 1920 г. [Собрание узаконений... 1943: 22] Было рекомендовано отменить ее также в отношении всех политических преступлений за исключением террористических актов и открытых восстаний, в области уголовных преступлений – к бандитам и шпионам [Ленин и ВЧК... 1973: 424].

Репрессивная политика большевиков в отношении сельского населения в период Гражданской войны прошла свою апробацию на подконтрольных территориях. В период восстановления Советской власти на Кубани и Черноморье большевики в ходе реализации продовольственной и земельной политики столкнулись с сопротивлением сельского населения, что усугубило противостояние власти и общества и способствовало осуществлению дальнейшего «нажима» на население путем реализации методов и средств политики военного коммунизма.

Эволюция региональной политики большевиков в Кубано-Черноморской области (1921–1924 гг.)

Приказы и рекомендации ВЧК не смогли остановить расстрелы. Наряду с расстрелами действовал институт заложничества. Казачье-крестьянское население области оказывало сопротивление большевистской политике в форме вооруженных выступлений и политических акций, что вело к усилению репрессий со стороны Советской власти. Например, предложили объявить заложниками 10 тыс. кубанских казаков, находившихся в лагерях. Кроме того, на территории области только за первые два осенних месяца 1921 г. было расстреляно 372 чел. Больше всего пострадали жители станицы Динской, где расстреляли 102 чел. Приговоры приводились в исполнение по решениям чрезвычайных «троек» [Яхутль, Касьянов 2020: 435].

Общее количество жертв заложничества, применявшегося в регионе в 1920–1922 гг., составило по приблизительным оценкам от одной до несколько тысяч человек [Черкасов 2004: 85]. Значительная часть заложников содержалась в концлагерях, большинство из которых были созданы на территориях, охваченных повстанческим движением. Только в Тамбовской губернии такие лагеря были в Борисоглебске, Козлове, Кирсанове, Моршанске, Сампуре, Тамбове и др., в них находилось около 15 тысяч человек [Боева 2009: 73–74]. Аналогичный лагерь действовал на территории Кубано-Черноморской области в г. Краснодаре. На основании приказа Облвоенсовещания от 16 сентября 1921 г. надлежало арестовать и под усиленным конвоем препроводить в г. Краснодар в концентрационный лагерь всех мужчин от 18 до 50 лет из семей не вернувшихся повстанцев, а их имущество взять на учет [ГАКК. Ф. Р-101. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–18].

Большевики стали отказываться от взятия в заложники мирных жителей только в конце 1922 г., когда РККА подавила сопротивление основных отрядов бело-зеленого движения. Однако несмотря на то, что система заложничества была отменена, ее элементы существовали весь период 1920-х гг.

Вместе с завершением активной фазы Гражданской войны и объявлением новой экономической политики отказ от насильственных методов не произошел. На протяжении переходного периода, от явно выраженных военнo-коммунистических методов хозяйствования к новой экономической политике в 1921–1924 гг., сохранялись репрессивные, внеправовые методы воздействия со стороны органов власти. Движение по инерции в сторону военнo-коммунистических методов пронизывало всю систему государственного управления, используя в том числе специально созданные органы для ликвидации или насильственного принуждения противников режима, о чем писал в марте 1922 г. В.И. Ленин Л.Б. Каменеву, отмечая ошибочность мнения о прекращении террора после перехода к нэпу [Ленин 1970: 428].

Для Кубано-Черноморской области изменение внутривластного курса и де-юре переход к нэпу также не привели к отказу от использования насильственных мер в ходе сбора продовольствия и репрессий по отношению к неплательщикам. Согласно приказу № 2 Армавирского отдельного продовольственного комитета от 13 мая 1921 г. предписывалось в отношении граждан, уклоняющихся от сдачи хлеба, применять самые решительные меры, включая такие, как конфискацию всего имущества, аресты и отправку в Армчека для последующего направления на принудительные работы на Донбасс [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 72. Л. 170]. Некоторые граждане отправлялись в лагерь принудительных работ, находившийся в г. Новороссийске. Так, согласно выписке из доклада Новороссийского Окружного исполкома о положении и работе в Новороссийском округе значилось, что к 1 ноября 1921 г. в лагере находилось 329 заключенных, которых отправляли на различные работы [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 187. Л. 333].

Местные органы власти, реализуя принцип «революционной целесообразности», зачастую злоупотребляли своими полномочиями, проводя аресты и обыски среди гражданского населения. Даже потребовалось выпустить соответствующий приказ № 153 по войскам IX – Кубанской армии от 27 января 1921 г., который категорически запрещал производить «их самочинно», а по отношению «к виновным» предписывал привлечение к суду Ревтрибунала [ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 409. Л. 47].

Постепенная перестройка государства в соответствии с задачами нэпа в области продовольственной и земельной политики вела к сокращению применения карательных мер. Население изначально недоверчиво относилось к новой экономической политике, но устав от вооруженной борьбы, стремилось к мирной жизни. Политика целенаправленного масштабного террора с завершением Гражданской войны прекращалась, а дальнейшие меры, в том числе внеправового принуждения, стоит рассматривать в рамках реализации репрессивной политики государства.

В Советской России на данном этапе развития не сложилась правовая традиция, поэтому большевики руководствовались по большей части «революционной законностью». Например, первый Уголовный кодекс, принятый третьей сессией ВЦИК IX созыва 26 мая 1922 г., имел выраженный классовый характер. По отношению к участникам контрреволюционных выступлений он предусматривал применение высшей меры наказания в виде расстрела и конфискацию всего имущества. Также он предполагал передачу права назначения наказаний в руки судебных органов [Уголовный кодекс... 1927]. В октябре 1922 г. ситуация кардинальным образом изменилась, когда ВЦИК предоставил Главному политическому управлению (ГПУ) право «внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях» [Собрание узаконений... 1950: 1444], таким образом приравняв ВЧК и ГПУ.

Встречались случаи, когда представители ГПУ вынуждены были сдерживать внеправовую деятельность местных продовольственных органов. Подобный случай произошел в 1922 г. в Славянском отделе Кубано-Черноморской области, когда продорганы применяли незаконные меры воздействия на налогоплательщиков: ставили к стенке граждан независимо от возраста и пола, наводили пулеметы с угрозой расстрела, если не выдадут подписки, что в течение 24 часов доставят полностью налог и предоставят налоговую квитанцию как доказательство. Кроме того, проводилась стрельба из винтовок и револьверов над головами, избиения прикладами, что было зафиксировано актами и протоколами Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) в присутствии представителя ГПУ. Указанный эпизод особенно показателен с учетом приведенных объяснений данных действий: продорганы получали сверх положенного премию за каждые «выкаченные» 1000 пуд. в виде 10 пуд. [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 167. Л. 286].

В Армавирском отделе дела неплательщиков передавали народным судам, которые выносили приговор общим списком, а не индивидуально. Это приводило в свою очередь к тому, что выносимые приговоры, по мнению РКИ, не производили должного давления и население перестало бояться суда. По итогам продналоговой компании 1922 г. в Кубано-Черноморской области было осуждено из 398 060 тыс. плательщиков (хозяйств) народным судом – 4 727 чел., Ревтрибуналом – 118 чел., арестовано в административном порядке – 2 356 чел. и наложена пеня на 3 067 чел. Помимо указанных мер продолжали применять: запрет на выезд из станиц, помол зерна на мельницах, выдачу удостоверений личности на право жительства и каких-либо справок, на обмен, торговлю, записи гражданского состояния [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 167. Л. 285 об., 286 об.].

Реформирование системы налогообложения в 1922–1923 гг. с одной стороны, способствовало унификации налогов на продукты сельского хозяйства, с другой стороны, неизбежно порождало новый виток противоречий между властью и обществом. Казачье-крестьянское население Кубано-Черноморской области готово было сотрудничать с государством и поставлять сельскохозяйственную продукцию, но методы ее сбора продолжали вызывать недовольства.

Например, несмотря на унификацию системы налогообложения, Кубано-Черноморские продовольственные органы вводили местные налоги и сборы [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 457. Л. 3, 12]. В отчетах о ходе работы по проведению продналоговой кампании в 1923–1924 гг. по-прежнему отмечалась необходимость принятия «энергичных мер нажима на налогоплательщиков» [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 399. Л. 59 об.].

Анализ судебных решений свидетельствует о том, что Советская власть не отказывалась от классовых принципов. Обычно по решению суда у хлебобобов, не выполнивших налоговые обязательства, могли конфисковать имущество, в том числе живой и мертвый инвентарь, который продавался с торгов. Разницу, между необходимой суммы уплата налога и вырученной от продажи имущества, возвращали хлебобобу. Отмечалось также обращать должное внимание на учет жалоб при сборе сельскохозяйственного налога. Судебными органами зачастую игнорировались бедственные обстоятельства налогоплательщиков, что вело к усилению недовольства местными властями. В отношении пострадавших надлежало принять меры по возвращению инвентаря и выдаче банковских ссуд. Сельскохозяйственное положение области рассматривалось в общегосударственном масштабе не только в экономическом ключе, но и политическом [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 399. Л. 134, 134 об.].

Неуплата сельскохозяйственного налога могла привести к тюремному заключению сроком до 1 года. Так, в 1924 г. Армавирская комиссия по разгрузке домов заключения отмечала, что среди общего количества заключенных, за продналог осуждено 45 чел., а за растрату продовольствия и фуража – 216 чел. В основном среди заключенных были представители казачье-крестьянского населения. Были установлены факты, когда суды выносили заочные решения без присутствия налогоплательщика. Несправедливо осужденные подавали жалобы и прошения о досрочном освобождении в связи с объективными обстоятельствами (упадок сельского хозяйства, стихийные бедствия) [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 480. Л. 44, 44 об., 45, 143, 143 об., 147 об.]. Некоторые при аресте обращались в комиссии по снижению налогов, ссылаясь на аналогичные трудности, но получали ответ: «гражданин злостно уклонялся от уплаты ЕСХ-налога и Нарсудом был осужден как злостный неплательщик, жалобу оставить без последствий» [ГАКК. Ф. Р-990. Оп. 2. Д. 454. Л. 58, 61].

В условиях нового назревавшего кризиса в 1924 г. состоялся пересмотр внутривластного курса по отношению к сельскому населению. Впервые тезис о «повороте лицом к деревне» прозвучал на страницах газеты «Правда» от 30 июня 1924 г. в статье Г.Е. Зиновьева, который призывал «помочь крестьянству не словом, а делом», оказывая повсеместную помощь в семенном, агрономическом, мелиоративном, кредитном вопросах [Зиновьев 1925: 31–35]. Свое воплощение провозглашенный курс нашел в решениях пленума ЦК РКП(б) 25–27 октября 1924 г. Ориентация на союз с сельским населением была утверждена на Пленуме на основании предложений комиссии по работе в деревне, организованной в сентябре 1924 г. во главе с В.М. Молотовым. Поворотным решением в данном вопросе было осуждение административного произвола в деревне [Яхутль 2023: 90–91]. Таким образом, органы власти на государственном

уровне признали ошибочность и чрезмерность карательных мер, проводимых по отношению к крестьянству.

Повсеместная перестройка внутривластного курса в пользу поиска компромисса и ослабление репрессивной политики вели к отказу населения от участия в сопротивлении. Зимой 1921–1922 гг. численность повстанцев на Кубани и Черноморье сократилась с 5 до 3 тыс. [ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 32. Л. 456]. К началу 1923 г. на учет ОГПУ в русских областях Юга состояли только 12 отрядов в 33 штыка и 249 сабель [Баранов 2005: 126].

Период 1921–1924 гг. в Кубано-Черноморской области характеризовался острым внутривластным противостоянием с сельским населением, как в форме открытого повстанческого движения, так и скрытого – отказом выполнять директивные распоряжения Советской власти. Методы воздействия на хлеборобов, вне зависимости от причин, до 1923 г. отличались усилением репрессивных мер. Организационно-правовая перестройка в соответствии с новой экономической политикой местных партийных и советских органов заняла около года, но для получения результатов внедрения новых методов управления потребовалось еще два года. Под силовым воздействием РККА повстанческое движение завершилось в 1923 г., в связи с чем наличие военно-коммунистических методов в политике большевиков по отношению к сельскому населению было логичным, но дальнейшее их применение свидетельствовало о продолжавшемся конфликте между властью и сельским обществом в скрытой форме. Это потребовало изменений во внутренней политике, что произошло с провозглашением нового курса «лицом к деревне».

Заключение

Таким образом, на протяжении 1917–1924 гг. практика применения репрессивных мер в Советской России прошла несколько этапов своего становления. Беря свое начало в 1917 г., после захвата власти большевиками она реализовалась во много за счет революционно настроенных масс, но недооценка Советской властью масштабов контрреволюционного сопротивления способствовала пересмотру политики большевиков относительно вопроса о создании специального репрессивного органа по борьбе с оппозицией – ВЧК. Пик красного террора пришелся на 1918 г., что было связано с принятием одноименного постановления, существенно расширявшим применение внеправовых методов по отношению к противникам власти, самым многочисленным из которых было крестьянство. Завершение Гражданской войны в европейской части России в 1920 г. привело к отказу от политики красного террора, однако система репрессивных органов власти ВЧК–ГПУ–НКВД, сформированная в предшествующий период, будет действовать и в дальнейшем. Внеправовые методы воздействия продолжали осуществляться, однако их применение было существенно ограничено по сравнению с предыдущими годами. Так Президиум ЦИК СССР в каждом отдельном случае санкционировал вынесение внесудебного приговора [Глуценко, Жаркой 2007: 17–18].

После повторного установления Советской власти весной 1920 г. в Кубано-Черноморской области начали активно внедрять военно-коммунистические

практики, что привело к росту противостояния власти и сельского населения. В ходе реализации продовольственной политики большевики столкнулись с открытым протестом – бело-зеленым движением. Но подавляющая часть сельского населения области находилась под воздействием советских органов власти, которые активно использовали апробированные, внеправовые методы воздействия. На Кубани и Черноморье в период 1920–1924 гг. использовали военнo-коммунистические методы принуждения: конфискацию, аресты, постановку на учет, взятие заложников, заключение в концентрационные и принудительные работы, выселение за пределы области, а также расстрелы. При этом, как свидетельствуют приведенные нами данные, в отношении казачьего населения области действовали меры «политической практики расказачивания», характерные и для других казачьих регионов России. В рамках данных практик красный террор осуществлялся по отношению к наиболее влиятельным и зажиточным представителям казачьего населения, что соответствовало представлениям властей о борьбе с классовыми врагами в лице как зажиточного крестьянства, буржуазии, бывших помещиков, так и казачества в том числе.

Окончание Гражданской войны в европейской части России и рост противостояния населения, проводимой политике военного коммунизма, способствовали изменению политического курса РКП(б) и практики ее реализации. Однако переход к нэпу не подразумевал отказа от применения привычных насильственных методов по отношению к сельскому населению страны. Сохранялось движение в сторону репрессивных методов, которые наиболее ярко проявлялись в ходе осуществления сбора продовольствия. Следование принципам «революционной целесообразности», военный нажим и нередкие случаи откровенных злоупотреблений властью местных советских, партийных и продовольственных органов вынуждали казачье-крестьянское население Кубано-Черноморской области вступать в ряды повстанцев, активно действовавших в области до конца 1922 г. Постепенное изменение продовольственной и земельной политики привело к существенному сокращению очагов сопротивления, что вело в свою очередь к отказу от использования внеправовых мер и достижению временного компромисса между обществом и властью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов 2005 – *Баранов А.В.* Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1924 гг.) // Альманах «Белая гвардия». – М.: Посев, 2005. – № 8. – С. 119–129.

Боева 2009 – *Боева Л.А.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2009. – 208 с.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Гатауллин, Зайнутдинов 2018 – *Гатауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р.* Конституция РСФСР 1918 года как правовая основа в военное время // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9 (94). – С. 11–18.

Глущенко, Жаркой 2007 – *Глущенко П. П., Жаркой М. Э.* Карательная политика советского государства в период подавления политического бандитизма начала 1920-х гг.: система, содержание, тактика // Общество и право. – 2007. – № 4 (18). – С. 11–18.

Декреты... 1957 – *Декреты Советской власти*. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории акад. наук СССР. – М.: Политиздат, 1957. – Т. I. – 640 с.

Декреты... 1964 – *Декреты Советской власти*. 11 июля – 9 ноября 1918 г. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории акад. наук СССР. – М.: Политиздат, 1964. – Т. III. – 676 с.

Жиромская 2004 – *Жиромская В.Б.* Проблема красного и белого террора в 1917–1920 годов в отечественной историографии // Труды института российской истории РАН. – 2004. – №4. – С. 240–265.

Зиновьев 1925 – *Зиновьев Г.Е.* Лицом к деревне!: статьи и речи: сборник. – Л., М.: Госиздат, 1925. – 139 с.

Известия... 1989 – *Известия ЦК КПСС*. – 1989. – № 6 (293). – С. 177–178.

Ленин 1969b – *Ленин В.И.* Доклад Совета Народных комиссаров 5 июля // Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 36. – 772 с.

Ленин 1969a – *Ленин В.И.* Государство и революция // Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 33. – 433 с.

Ленин 1970 – *Ленин В.И.* Письмо Л.Б. Каменеву // Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 44. – 748 с.

Ленин 1981 – *Ленин В.И.* К истории вопроса о диктатуре // Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – Т. 41. – 696 с.

Ленин и ВЧК... 1973 – *В.И. Ленин и ВЧК*. Сборник документов (1917–1922 гг.) – М., Политиздат, 1973. – 679 с.

Литвин 2004 – *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. – М.: Эксмо, 2004. – 448 с.

Материалы... 1918 – *Материалы Народного комиссариата юстиции*. – М.: Издание Народного Комиссариата юстиции, 1918–1922. – Вып. 2. – 1918. – 104 с.

Мозохин 2018 – *Мозохин О.Б.* Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ (1918–1953 гг.). – М.: Вече, 2018. – 479 с.

Никулин 2020 – *Никулин В.В.* Революционные трибуналы в системе антикрестьянского террора (1918–1921 гг.) // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 189. – С. 197–201.

Ратьковский 2006 – *Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. – 279 с.

Сборник... 1993 – *Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий*. – М.: Республика: Верховный Совет Рос. Федерации, 1993. – 222 с.

Симбирцев 2008 – *Симбирцев И.* ВЧК в ленинской России: 1917 - 1922. В зареве революции. – М.: Центрполиграф, 2008. – 384 с.

Скорик 2019 – *Скорик А.П.* Расказачивание как политика и социальный процесс на Дону в 1920-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24. – № 4. – С. 102–113.

Собрание узаконений... 1942 – *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг.* / Управление делами Совнаркома СССР. – М.: Б. и., 1942. – 1483 с.

Собрание узаконений... 1943 – *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1920 г.* / Управление делами Совнаркома СССР. – М.: Б. и., 1943. – 818 с.

Собрание узаконений... 1950 – *Собрание узаконений и распоряжений* рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый / Управление делами Совнаркома СССР, Наркомат юстиции СССР. – М.: Б. и., 1950. – 1934 с.

Соколов 2019 – *Соколов А.С.* Роль и место органов ВЧК в политике красного террора // *Власть*. – 2019. – № 2. – С. 211–216.

Трут 2017 – *Трут В.П.* Рассказывание // *Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект: монография / редкол.: В.В. Кондрашин, В.А. Юрчёнков (отв. редакторы) [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия*. – М.; Саранск, 2017. – 1048 с.

Уголовный кодекс... 1927 – *Уголовный кодекс РСФСР* / Сост. и отред. коллек.: С.С. Аскарханов, Т.П. Зайцев, А.Н. Иодковский, В.В. Соколов и В.П. Усков. – М.: Юрилич. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 553 с.

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

Черкасов 2004 – *Черкасов А.А.* Заложничество как средство воздействия на бело-зеленую оппозицию на Кубани и Черноморье в 1921–1922 гг. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2004. – 115 с.

Яхутль 2023 – *Яхутль Ю.А.* Курс «Лицом к деревне» - компромисс власти и доколхозного крестьянства // *Современная научная мысль*. – 2023. – №3. – 89–95.

Яхутль, Касьянов 2020 – *Яхутль Ю.А., Касьянов В.В.* Повстанческое движение в казачьих регионах Юга России: причины и политические формы в 1920–1924 годах // *Научный диалог*. – 2020. – № 8. – С. 428–442.

REFERENCES

BARANOV A.V. *Povstanchesкое dvizhenie «belo-zelenyh» v kazach'ih oblastyah Yuga Rossii (1920–1924 gg.)* [Insurgent movement of "white-greens" in the Cossack regions of Southern Russia (1920–1924)] IN: *Al'manah «Belaya gvardiya»*. – Moscow: Posev, 2005. – № 8. – P. 119–129. (In Russ.).

BOEVA L.A. *«Osobennaya kasta». VChK-OGPU i ukreplenie kommunisticheskogo rezhima v gody nepa* ["Special caste" The Cheka-OGPU and the strengthening of the communist regime during the NEP years] / Edited by G.A. Bordyugova. – Moscow: AIRO-KhKhI, 2009. – 208 p. (In Russ.).

CHERKASOV A.A. *Zalozhnichestvo kak sredstvo vozdeistviya na belo-zelenuyuoppozitsiyu na Kubani i Chernomor'e v 1921-1922 gg.* [Hostage as a means of influencing the white-green opposition in the Kuban and Black Sea region in 1921–1922] – Krasnodar: Kubanskii gosuniversitet, 2004. – 115 p. (In Russ.).

Dekrety Sovetskoj vlasti. 11 iyulya – 9 noyabrya 1918 g. [Decrees of the Soviet government. July 11 – November 9, 1918] / Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS, Institut istorii akad. nauk SSSR. – Moscow: Politizdat, 1964. – Vol. III. – 676 p. (In Russ.).

Dekrety Sovetskoj vlasti. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. [Decrees of the Soviet government. October 25, 1917 – March 16, 1918] Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS, Institut istorii akad. nauk SSSR. – Moscow: Politizdat, 1957. – Vol. I. – 640 p. (In Russ.).

GATAULLIN A.G., ZAINUTDINOV D.R. *Konstitutsiya RSFSR 1918 goda kak pravovaya osnova v voennoe vremya* [The Constitution of the RSFSR of 1918 as a legal basis in wartime] IN: *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. – 2018. – №9 (94). – P. 11–18. (In Russ.).

GLUSHCHENKO P.P., ZHARKOI M.E. *Karatel'naya politika sovetskogo gosudarstva v period podavleniya politicheskogo banditizma nachala 1920-kh gg.: sistema, sodержание, taktika* [Punitive policy of the Soviet state during the suppression of political banditry in the early 1920s: system, content, tactics] IN: *Obshchestvo i pravo*. – 2007. – №4 (18). – P. 11–18. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [State Archive of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

Izvestiya TsK KPSS [News of the Central Committee of the CPSU]. – 1989. – № 6 (293). – P. 177–178. (In Russ.).

LENIN V.I. *Doklad Soveta Narodnykh komissarov 5 iyulya* [Report of the Council of People's Commissars July 5] IN: *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings] / Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS – 5-e izd. – Moscow: Politizdat, 1969. – Vol. 36. – 772 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *Gosudarstvo i revolyutsiya* [State and revolution] IN: *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings] / Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS – 5-e izd. – Moscow: Politizdat, 1969. – Vol. 33. – 433 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *Pis'mo L.B. Kamenevu* [Letter from L.B. Kamenev] IN: *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings] / Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS – 5-e izd. – Moscow: Politizdat, 1970. – Vol. 44. – 748 p. (In Russ.).

LENIN V.I. *K istorii voprosa o diktature* [On the history of the issue of dictatorship] IN: *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings] / Institut marksizma-leninizma pri TsK KPSS – 5-e izd. – Moscow: Politizdat, 1981. – T. 41. – 696 s. (In Russ.).

LITVIN A.L. *Krasnyi i belyi terror v Rossii 1918–1922 gg.* [Red and White Terror in Russia 1918–1922] – Moscow: Eksmo, 2004. – 448 p. (In Russ.).

Materialy Narodnogo komissariata yustitsii [Materials of the People's Commissariat of Justice]. – Moscow: Izdanie Narodnogo Komissariata yustitsii, 1918–1922. – № 2. – 1918. – 104 p. (In Russ.).

MOZOKHIN O.B. *Repressii v tsifrakh i dokumentakh. Deyatel'nost' organov VChK – OGPU – NKVD – MGB (1918–1953 gg.)* [Repression in numbers and documents. Activities of the Cheka – OGPU – NKVD – MGB (1918–1953)]. – Moscow: Veche, 2018. – 479 p. (In Russ.).

NIKULIN V.V. *Revolutsionnye tribunaly v sisteme antikrest'yanskogo terrora (1918–1921 gg.)* [Revolutionary tribunals in the system of anti-peasant terror (1918–1921)] IN: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2020. – № 189. – P. 197–201. (In Russ.).

RAT'KOVSKII I.S. *Krasnyi terror i deyatel'nost' VChK v 1918 godu* [Red terror and the activities of the Cheka in 1918]. – Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2006. – 279 p. (In Russ.).

Sbornik zakonodatel'nykh i normativnykh aktov o repressiyakh i reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii [Collection of legislative and regulatory acts on repression and rehabilitation of victims of political repression]. – Moscow: Respublika: Verkhovnyi Sovet Ros. Federatsii, 1993. – 222 p. (In Russ.).

SIMBIRTSEV I. *VChK v leninskoj Rossii: 1917 - 1922. V zareve revolyutsii* [The Cheka in Lenin's Russia: 1917–1922. At the dawn of the revolution]. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2008. – 384 p. (In Russ.).

SKORIK A.P. *Raskazachivanie kak politika i sotsial'nyi protsess na Donu v 1920-e gody* [Decossackization as a policy and social process on the Don in the 1920s] IN: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2019. – Vol. 24. – № 4. – P. 102–113. (In Russ.).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1917–1918 gg. [Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government for 1917–1918] / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. – Moscow: B. i., 1942. – 1483 p. (In Russ.).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1920 g. [Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government for 1920] / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. – Moscow: B. i., 1943. – 818 p. (In Russ.).

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva za 1922 g. Otdel pervyi [Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government for 1922. Section one] / Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR, Narkomat yustitsii SSSR. – Moscow: B. i., 1950. – 1934 p. (In Russ.).

SOKOLOV A.S. *Rol' i mesto organov VChK v politike krasnogo terrora* [The role and place of the Cheka in the policy of red terror] IN: *Vlast'*. – 2019. – №2. – P. 211–216. (In Russ.).

TRUT V.P. *Raskazachivanie* [Decossackization] IN: *Krest'yanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyakh revolyutsii 1917 g. i Grazhdanskoi voyny: natsional'no-regional'nyi aspekt: monografiya*

[The Peasantry and Cossacks of Russia in the Conditions of the Revolution of 1917 and the Civil War: National-Regional Aspect: Monograph]. / Edited by V. V. Kondrashin, V. A. Yurchenkov (otv. redaktery) [i dr.]; NII gumanitar. nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. – Moscow, Saransk, 2017. – 1048 p. (In Russ.).

Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraia [Documentation Center for the Contemporary History of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

Ugolovnyi kodeks RSFSR [Criminal Code of the RSFSR] / Edited by S. S. Askarkhanov, T. P. Zaitsev, A. N. Iodkovskii, V. V. Sokolov i V. P. Uskov. – Moscow: Yuridich. izd-vo NKYu RSFSR, 1927. – 553 p. (In Russ.).

V.I. Lenin i VChK. Sbornik dokumentov (1917–1922 gg.) [V.I. Lenin and the Cheka. Collection of documents (1917–1922)] – Moscow, Politizdat, 1973. – 679 p. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A. «*Licom k derevne*» - *kompromiss vlasti i dokolhoznogo krest'yanstva* [Course “Facing the Village” - a compromise between the authorities and the pre-collective farm peasantry] IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2023. – № 3. – P. 89–95. (In Russ.).

YAKHUTL' YU.A., KAS'YANOV V.V. *Povstancheskoe dvizhenie v kazach'ikh regionakh Yuga Rossii: prichiny i politicheskie formy v 1920–1924 godakh* [Insurgency in the Cossack regions of Southern Russia: causes and political forms in 1920–1924] IN: *Nauchnyi dialog*. – 2020. – № 8. – P. 428–442. (In Russ.).

ZHIROMSKAYA V.B. *Problema krasnogo i belogo terrora v 1917–1920 godov v otechestvennoi istoriografii* [The problem of red and white terror in 1917–1920 in Russian historiography] IN: *Trudy instituta rossiiskoi istorii RAN*. – 2004. – №4. – P. 240–265. (In Russ.).

ZINOVIEV G.E. *Licom k derevne!: stat'i i rechi: sbornik* [Facing the village!: articles and speeches: collection]. – Leningrad, Moscow: Gosizdat, 1925. – 139 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.С. Диривянкина – преподаватель.

Information about the author

M.S. Dirivyankina – the lecturer.

Статья поступила в редакцию 02.05.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.